Михаил Владимирович ДУДИН:

Как мы делали колбасу для ЦК и котлеты для народа

На окраине Ульяновска

- Взяться за воспоминания сложно: бывает, вспоминаешь хорошо, неспешно, а бывает, нервно, забывчиво, но иногда прошлые годы снятся… Переживаешь и начинаешь осмысливать с прожитой высоты, как можно было бы поступить в ситуации тех дней. К сожалению, былое неумолимо: ничего уже не исправить. Да и вообще, грех жаловаться, та жизнь была прекрасной!

В начале моей самостоятельной жизни мне посчастливилось столкнуться с плеядой замечательных, я бы даже сказал фантастических, руководителей, определявших в тот период участь Ульяновской области. Но сначала - о своей участи.

Я приехал в Ульяновск в 1961 году после окончания Астраханского рыбного института. Распределили меня на новый мясокомбинат, который находился на Московском шоссе. И я уже представлял, как в просторных цехах проявлю размах своего инженерного таланта, а шоссе приведет меня туда, куда оно в соответствии с названием и должно вести перспективную молодежь…

Увы, комбинат был законсервирован на уровне фундамента. Поэтому начальник Управления пищевой промышленности области Геннадий Иванович Гнусин назначил меня механиком холодильных установок на мясокомбинат, находившийся на улице Кирова, 57. Это была

Визитка

Родился в 1939 г. в с. Сара Ленкоранского района Азербайджанской ССР.

Окончил Астраханский институт рыбной промышленности и хозяйства (1961 г.), откуда по распределению был направлен в г. Ульяновск. Здесь более четверти века проработал в мясной промышленности, пройдя трудовой путь от механика до управляющего областным трестом. В 1987 г. переведен в столицу на должность заместителя генерального директора Московского городского объединения мясной промышленности. Десять лет являлся гендиректором АО «Московский мясокомбинат – МИКОМС». С 1997 г. работал заместителем директора ООО «Оборонпродкомплект», с 2005 г. в течение пяти лет возглавлял ООО «Ульяновскккерамзит».

Заслуженный работник пищевой индустрии РФ. Лауреат премии Правительства РФ в области науки и техники (1995 г.).

В Ульяновске прожил 31 год. В Москве – с 1987 г.

Член Ульяновского землячества с 1997 г.

почти окраина. Рядом располагался трест по очистке города. Дальше - непролазная грязь до самого моторного завода. На комбинате было не чище. Скот на базах, дожидаясь забоя, стоял в прямом смысле по брюхо в грязи, зимой копыта намертво примерзали к земле (морозы доходили до минус 35-40 градусов). Так что картина меня встретила жуткая.

Тандем

Ульяновск вообще только начинал свое развитие. За пару лет до моего приезда в строй вступил телецентр на шоссе Нариманова, и дикторы мгновенно стали самыми популярными людьми в городе. Но даже их телелица уступали в известности первым лицам области.

Парторганы края возглавляли два талантливейших человека: обком «серпа» - Анатолий Андрианович Скочилов, обком «молота» - Владимир Петрович Васильев (это были времена, когда КПСС ненадолго разделили на две половины - сельскохозяйственную и промышленную). После воссоединения «серпа» с «молотом» партийные органы подчинили Скочилову, советские - Васильеву. Это был дружный тандем выдающихся руководителей и в то же время - соперничество двух гигантов мысли. Я быстро понял: чтобы хоть немного приблизиться к их уровню, надо сначала стать личностью…

Карьера механика Дудина

Тем временем карьера механика Дудина пошла в гору. Я уже работал главным инженером головного мясокомбината (нам подчинялись все районные мясокомбинаты и убойные пункты), когда наступил 1964 год - время отставки Никиты Хрущёва, ликвидации Советов народного хозяйства (Совнархозов), создания отрас-

1960 год. Севастополь. На студенческой практике.

левых министерств и моего назначения на должность управляющего областным трестом мясной промышленности.

Назначению предшествовал вызов в Саратов, где располагался Средневолжский Совнархоз, в ведении которого была и Ульяновская область. Там мне предложили пост директора мясокомбината в городе Энгельс. Осмотрев комбинат, я сказал: «Если обком разрешит, я согласен». Не успел вернуться из Саратова, как срочно вызвали к Скочилову. Он сообщил: мы рекомендуем тебя министерству на должность управляющего областным трестом. Ответил, что не согласен: по образованию я всего лишь инженер-механик, не знаю экономики и технологии производства. Первое лицо области сделалось суровым и сухо парировало: завтра в 8.00 быть на бюро обкома, там и решим твой вопрос.

Утром на бюро Анатолий Андрианович выдвинул мою кандидатуру на пост «главного мясника» области. Его поддержал начальник областного Управления стати-

1977 год. На площадь Ленина вступает колонна работников мясокомбината.

стики Иван Федорович Подателев, сказавший много лестных слов в мой адрес. С последним мы много раз пересекались по вопросам отчетности (органы статистики осуществляли за нами строгий государственный надзор). Директор мясокомбината Аристарх Порфирьевич Петров почему-то частенько отправлял в облстат именно меня. Как он потом сказал, готовил себе замену.

Бюро ОК КПСС меня утвердило. Так из астраханского «рыбака» я окончательно превратился в ульяновского «мясника». Мне было 27 лет. Практически одновременно в стране появились министр мясной и молочной промышленности и соответствующее министерство. Надо отдать должное, в нем были собраны лучшие кадры со всех регионов. И началось плановое, по каждой области, рассмотрение «узких» мест в работе предприятий. Было реанимировано строительство комбината на Московском шоссе - очень своевременное решение, особенно с учетом того, что Ульяновск чуть вообще не остался без собственной мясопродукции…

Прибыль от... пожара

Я еще работал главным инженером, когда у нас на улице Кирова во время сварочных работ сгорела крыша над холодильным и мясожировым цехами. Вечером того же дня из Саратова прилетели зампред Совнархоза Жидков и начальник Управления пищевой промышленности Терновой. Их встретили расползавшиеся по городу слухи: мол, «мясники» растащили и сами сожгли комбинат. Ко мне приставили двух человек из органов - чтобы не сбежал и не скрыл хищение продук-

ции. Мне и главбуху Ибрагиму Алимовичу Урманчееву была дана команда срочно подсчитать убытки.

Мы засели у меня в кабинете, выпили коньячку и стали считать. Первая цифра у нас получилась солидная. Я вышел из кабинета и доложил об этом двум офицерам. Один ответил: «Тюрьма до пяти лет. Идите и считайте снова». Мы продолжили подсчеты - уже с учетом износа (завод был построен в 1903 г.) и доложили во второй раз. Нам ответили: «До двух лет...». Мы в третий раз сели считать. И вдруг у нас получилась… прибыль от пожара! Офицеры вместе с нами хохотали до упаду! А потом мы все-таки достигли достаточно реальной цифры.

Посланцы Совнархоза и я отправились с докладом к Скочилову. Он сказал: «Если он (то есть я) виноват, будет отвечать по всей строгости. Но завод надо восстановить, и срочно - скоро осень, сезон переработки скота». Зампред Совнархоза Жидков тут же распорядился выделить вагон стройматериалов и спросил, сколько времени надо на восстановление. Я ответил: 3 месяца и 100 тысяч рублей заработной платы (нынешних 10 млн. руб.). Все тут же решилось положительно. Это была система, где вертикаль власти при необходимости действовала мгновенно.

Скочиловские кадры

Руководя трестом, я не раз попадал в непростые ситуации. Москва строго взыскивала с руководителей областных организаций за перерасход фондов. Нам с Владимиром Петровичем Васильевым и начальником хладокомбината Григорием Ивановичем Алимасовым пришлось отчитываться на заседании Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, который возглавлял тогда Михаил Сергеевич Соломенцев. Обстановка была жутковатой, перед нами освободили от работы зампреда Башкирского облисполкома (республики еще не было). Помогало то, что перед нашим отъездом на экзекуцию Скочилов мне сказал: «Обком тебя ставил, обком и снимет. Так что ничего не бойся». Это была огромная моральная поддержка, не забывайте, сколько мне было лет…

Скочилов вообще очень любил молодежь и, выдвигая ее на руководящие посты, сплотил вокруг себя плеяду замечательных областных и районных руководителей, таких, как секретарь горкома партии Борис Александрович Ланцов, начальник УВД Александр Романович Буркин, заместитель начальника Управления сельского хозяйства Азат Гайнуллович Курчаков, первый секретарь Старомайнского райкома партии Василий Сергеевич Делин, главный ветеринарный врач области Петр Васильевич Адайкин... Всем им было до 35 лет.

Одновременно Скочилов ценил и берег старые кадры. Его команда состояла из начальников-асов: в сельхозуправлении - Сергей Андреевич Петрушкин, в облстате - уже упомянутый мною Иван Федорович Подателев, в транспортном хозяйстве - Павел Трофимович Маринкевич, в КГБ - Александр Владимирович Назаров, в пищевой промышленности - партизанский разведчик, Герой Советского Союза Иван Васильевич Музалёв. Они и многие-многие другие прекрасно знали свое дело, а в кадровой политике равнялись на Скочилова.

Пирожки с ливером

Ему хотелось подражать, так красиво он распоряжался властью. Анатолий Андрианович любил пройтись по Ульянов-

ску пешком - интересовался, как живет народ, чем питается. И вот однажды, делая очередной обход, увидел лотошницу, продававшую наши фирменные пирожки с ливером. Купил пирожок, съел и наутро вызвал меня.

Захожу. В кабинете сидят секретари обкома Евгений Васильевич Сазанов, Вячеслав Алексеевич Полянсков, Владимир Николаевич Сверкалов и ставший уже зампредом облисполкома Сергей Андреевич Петрушкин. Хозяин кабинета с ходу спрашивает: «Сколько вы печете в день пирожков?». Говорю - до тысячи. Обращается к Сверкалову: «А сколько у нас студентов и учащихся в городе?». Ответ - пять-шесть тысяч. «Так вот, Дудин, чтобы через месяц-два выпекали 10 000 штук». Я замечаю, что для этого нужны площади, оборудование и деньги. Скочилов: «Правильно понимаешь. С материально-техническим снабжением тебе поможет Сазанов. А мне докладывать о ходе работ каждую декаду!». Такие вот пирожки…

Близорукая корова

Память моя разыгралась и подсовывает курьезы. Расскажу один. В то время было сложно выбраковывать скот на забой: не разрешалось уменьшать поголовье на определенную отчетную дату. Скот сдавали к окончанию квартала, полугодия и года. А это выглядело приблизительно как 10, 20 и 70 процентов от годового плана. Однако кушать мясо хотелось в любое время года, и сельские руководители изощрялись как могли. Заведующий сельхозотделом обкома КПСС Александр Иванович Миронов был очень остроумным человеком и на бюро привел факты выбраковки скота, заставившие всех расхохотаться. Так, корова Милка была выбракована в результате… близорукости. А бык Богатырь… из-за выпадения матки.

Липовое преображение

Еще хочу рассказать про липы, уже без юмора. Нас с моим другом Борисом Александровичем Ланцовым, который тогда был секретарем ГК КПСС, послали для обмена опытом в польский город Жешув. Когда ехали на машине по Польше, Борис сказал: «Смотри, какая красота, липы цветут, а мы в Ульяновске задыхаемся от тополиного пуха. Приеду - будем сажать только липы, вырубим тополя». Он не успел полностью реализовать свою мечту, но благодаря ему многие городские улочки теперь благоухают липовым цветом.

Ульяновск сильно похорошел к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина. О преображении города написано много. Меньше пишут о подъеме различных отраслей области. А ведь практически в тот же период, например, были реконструированы почти все имевшиеся мясокомбинаты, построены Новоспасский, Димитровградский и Ульяновский мясокомбинаты, Инзенский консервный завод с птицеубойным цехом. (Инзенская тушенка, скажу я вам, это был суперпродукт. Дефицит! Качественный, вкуснейший, его «доставали» ящиками).

И все эти работы проводились, как тогда говорилось, хозспособом, в основном своими силами и за счет ссуд Госбанка. Особенно сложно было с материально-техническим обеспечением, руководители предприятий порой ради строительства шли на риск, но они знали, что в трудную минуту их поддержит партия.

Люди и деньги

Молодая энергия во мне кипела. Руководить, добиваться результата, развивать-

1966 год. Госкомиссия принимает колбасный цех Ульяновского мясокомбината.

ся было интересно. А еще у меня появились отличные друзья - председатель колхоза Ренат Гареев, директор Дворца культуры профсоюзов Борис Яворский, главврач БСМП Николай Чариков. Я благодарен им за блистательные вечера, смех, радость, понимание, дружескую поддержку.

Товарищи постарше тоже принимали меня в свою компанию. Вечерами у Ивана Федоровича Подателева собирались любители преферанса - играли и говорили о жизни. Жизнь была достаточно сдержанная - без казино, с минимумом ресторанов и прочих «злачных» мест. Но от того не менее счастливая, более здоровая и уверенная. Из многих достоинств минувшего времени выделю то, что важно для многих настоящих мужчин: человеческое достоинство старались не унижать, людей ценили больше по их личным качествам, чем по кошельку. Хотя я, конечно, не против денег, я их даже люблю, они добавляют мужчине свободы, но я против их обожествления…

Мясной гигант

Когда во второй половине 80-х годов в стране началась перестройка политического и хозяйственного механизмов, было ликвидировано большинство областных управлений. И меня перевели в столицу на должность заместителя генерального директора Московского городского объединения мясной промышленности. Одновременно я стал ответственным за работу «Микояновского» мясокомбината. Этот комбинат построен в 1933 году, курировал его Анастас Иванович Микоян, и предприятию присвоили его имя. Но Никита Сергеевич Хрущёв, придя к власти в СССР, ликвидировал имена многих соратников в названиях улиц и заводов, однако народ упрям и до сих пор зовет комбинат «Микояновским».

1991 год. Москва. Открытие памятника фронтовикам- «микояновцам».

Позднее коллектив комбината избрал меня генеральным директором (была такая мода, введенная сверху, - избирать руководителей на собраниях, с альтернативой и критикой). Если кто видел «Микояновский» в то время, подтвердит: это было странное зрелище. Современная техника и технологии, а вокруг - руины. Наберитесь терпения: я перечислю, что входило в состав комбината. Не ради того, чтобы набить себе руководящую цену. А для того, чтобы вы представили мощность этого промышленно-пищевого гиганта.

Итак, вот его составляющие: завод по приемке и передержке скота (с вместимостью до 20 тысяч голов свиней и 5-7 тысяч голов КРС); завод первичной переработки скота; завод медпрепаратов; холодильник емкостью 10 000 тонн; колбасные заводы № 1 (с консервным цехом и спеццехом, трудившимся на ЦК КПСС и Совмин) и № 2 (по производству 30 тонн сырокопченых колбас в сутки - самый крупный из европейских!); завод реализации колбасно-кулинарных изделий (здесь готовились полуфабрикаты); вычислительный центр; РСУ; автотранспортный и железнодорожный цеха; поликлиника; радио и газета. Кроме того, было два пионерлагеря, круглосуточный детский сад на 150 ребятишек, два общежития на тысячу мест, клуб, спорткомплекс со стадионом, несколько саун для рабочих. Возможно, что-то я даже подзабыл…

Колбаса для Горбачёва

Реконструкцию пришлось начинать с «правительственного» спеццеха. Объема его продукции руководящим органам страны не хватало - аппетит в ЦК и Совмине был хороший. Мы сделали ремонт, купили современное оборудование, но часть продукции продолжали производить «дедовским» методом. К примеру, окорока и колбасу варили не в парокамерах, как для всех, а в воде - так вкуснее. Разработали для ВИП-персон рецепт ливерной яичной колбасы, которая была верхом деликатесной продукции и выпускалась штучно - четыре-пять батонов в сутки. На заводе шутили: «Яичную у нас в Союзе едят два Миши - Горбачёв и Дудин»…

А для широких масс в конце 80-х «Микоян» выпускал за ночь 1 100 000 штук котлет. Жена одного дипломата, долго жившего на Кубе, рассказывала, что в их дипмиссии самым популярным гостинцем из Москвы, наряду с черным хлебом, считались именно наши котлеты. Знаете, почему их вкус был отменным? В котлетах не хватало… хлеба. Для производствен-

ного процесса его привозили машинами, а народ растаскивал буханки на обед. Поэтому, чтобы не остановить конвейер и восполнить котлету по весу, в нее приходилось добавлять мяса.

Путь через желудок

Производством котлет занимались так называемые «паспортисты». То есть человек вечером приходил на завод, сдавал паспорт и приступал к работе - без санитарных справок и прочих необходимых процедур. А утром его рассчитывали и возвращали паспорт. Что это за люди - здоровые или больные, чистоплотные или ненормальные, никто не знал.

Так вот, в течение года комбинат сумел полностью отказаться от «паспортистов». Путь к укреплению коллектива лежал через желудки. Мы ввели талонную систему обедов по 35 копеек (3 руб. 50 коп. нынешних). Мэр Лужков мне за это всыпал: «Ты что делаешь? У всех обеды на заводах по 30 рублей, а у тебя за сущие копейки!». Я промолчал и продолжал тихой сапой делать свое мясное дело. В результате народ пошел и на котлетное производство, и в наши столовые. Кстати, одновременно уменьшился брак на колбасных заводах. Раньше-то обеды варили в закутках, отрезали «к столу» колбасу от готовых изделий. И понадрезанные батоны приходилось зачислять в убытки…

Коллектив стал стабильным, а это 13 тысяч рабочих. Для них строили жилье, и к концу 90-х очередь за квартирами сократилась в десять раз. Мне было не стыдно смотреть подчиненным в глаза.

Хватка патриота

Наша мясная империя прирастала то «МИКОМСбанком» и своей страховой компанией, то прачечными и пошивочными, то цехом по производству парфюмерных кремов (на жировой основе). Создавая автобазу, я не забыл про Ульяновск. Позвонил замдиректора УАЗа Исаеву, который для меня был Сашкой, и заявил: «Нужны 450 «уазиков». Приятель среагировал адекватно: «Ты что, сдурел? Где я такое количество возьму?». Но когда мы перегнали деньги, машины сразу нашлись.

В 1995 году в составе группы научных работников и производственников я получил премию Правительства РФ в области науки и техники. Денежное выражение - всего-то 10 тысяч рублей, но моральное удовлетворение - вполне достаточное. Премию нам дали «за разработку, освоение производства и внедрение комплексно-механизированных линий по переработке кости на базе вибрационных экстрактов». Без бумажки не выговоришь… Скажу проще. Мы стремились к экономии и безотходному производству. Переработка кости дала жир для парфюмерной и мыловаренной промышленности, а мясокостная мука пошла на корм скоту и птице.

«Микоян» перерабатывал скот не только из ближних областей, но и из Казахстана, Румынии, Венгрии (на завоз работало свыше 600 «скотских» вагонов). Завершив реконструкцию двух колбасных заводов, мы намечали строительство третьего. Да тут пришла беда: нам завезли скот, зараженный ящуром. Ветеринарная служба Минсельхоза России приостановила наше производство, и в течение двух месяцев мы занимались тотальной дезинфекцией.

Несмотря на неприятности, комбинат развивался. Наш новый машзавод освоил выпуск оборудования ряда зарубежных фирм, и заслуга тут его директора Леонида Михайловича Бобоюда. Там, где он, разведчикам делать нечего. Приедет

за границу, напоит иностранцев русской водкой, они выложат чертежи, он их переснимет, а потом воссоздаст с несколько измененными параметрами. Можно расценить это как промышленный шпионаж, а можно как деловую хватку патриота, работавшего на родное производство.

Мировые масштабы

Особо мы гордились вновь построенным заводом по выпуску боевых пайков, которые с честью выдержали испытание в первой чеченской войне и были признаны лучшими в мире. Правда, на международном конгрессе в Лос-Анджелесе к нам придрались и вместо первой премии присудили диплом. Причина придирки была для нас, русских, пуритански неприличной, хотя для многих армий вполне прозаичной. Дело в том, что в «микояновских» пайках, в отличие от американских, не было презервативов. Впрочем, это уже вина не нашего комбината, а Минобороны, которое, видимо, считало, что секса в России, как и в СССР, быть не должно.

Нашу всемирную славу поддержал питомник для сторожевых собак. Откормленные мясом «сторожа» завоевали много золотых медалей на международных выставках, а щенков мы продавали за рубеж - в Аргентину, Бразилию и другие страны.

Словом, масштабы я ощущал мировые. Моя походка стала неспешнее, взгляд перспективнее, планы грандиознее. Но когда попал к американцам, пережил потрясение. В СССР таких комбинатов, как «Микояновский», было четыре - в Москве, Баку, Улан-Удэ и Семипалатинске. У них же - в каждом штате. И производительность труда была втрое выше, чем в Европе, а против нас - почти в десять раз. Почему? Да потому, что оборудование новейшее!

Восточный мотив

«Микояновскому» комбинату я отдал десять лет. В 1997 году перешел в Оборонпродкомплект, где, как заместитель директора, занимался техническим перевооружением предприятий. А в 2005-м вернулся на свою вторую родину и возглавил ООО «Ульяновсккерамзит», которое было преобразовано в «Трансмонолит», там я проработал свою последнюю трудовую пятилетку. До кризиса мы обеспечивали строительным материалом многие российские регионы и фирмы, вплоть до «Норильскникеля» (через Северный морской путь).

Разные обстоятельства переставляли меня из одной сферы в другую, посылали из Москвы в Ульяновск и снова в столицу. В итоге я разделил бы свою предыдущую жизнь на три «по 20 с хвостиком». Первые 22 года прошли в Азербайджане и Астрахани. Предки моего отца попали в Азербайджан в 1852 году, во время завоевания Кавказа генералом Ермоловым. Мамина родня - из Тамбова, так что я русский, хотя в разрезе глаз присутствует восточный мотив. Наверное, в детстве много щурился на южное солнце, хотел согреться, ведь меня мучили жесточайшие приступы малярии. Остров Сара расположен в Ленкоранском районе, а это известные малярийные места. Но стоило мне отъехать на 200-300 км, и болезнь отступала. Поэтому в возрасте 5 лет родители вынуждены были отправить любимого сына Мишку в Астрахань, к тетке. Из школьных лет особо запомнилось, как в 7-м классе пацанов соединили с девчачьим классом. Чтобы освоиться, пришлось изучать женскую психологию, что немало помогло мне в дальнейшей жизненной практике…

А потом я поступил в самый престижный для тех мест Астраханский институт

2003 год. Москва. Земляк и друг Александр Кругликов защитил докторскую диссертацию.

рыбной промышленности, где с прилежанием, удостоенным стипендии им. С.М. Кирова, изучал холодильные и компрессорные установки.

По распределению сначала должен был ехать на Орско-Халиловский металлургический комбинат. Но мы с другом Петром Пальшинцевым были известными спортсменами, занимались академической греблей, и нам пошли навстречу - направили вверх по Волге. Однако Петя попал в Сурское, и тренировки пришлось прекратить (позднее я перетащил его в Ульяновск, он был известен многим как инструктор обкома партии и директор спиртотреста).

Несмотря на азербайджано-астраханское происхождение и нынешнюю московскую прописку, считаю себя ульяновцем. Не потому, что здешние мои «20 с хвостиком» имеют самый продолжительный довесок, не потому, что в то время я был в расцвете лет, а потому, что в Ульяновске я состоялся как человек и профессионал.

Социалистических взглядов не утратил. Говорю прямо и однозначно: город, ставший для меня родным, должен носить нынешнее имя. Семья Ульяновых - удивительная семья. Мать всю себя отдала детям, отец - народному образованию (святой человек!). Дети гражданского генерала могли бы устроиться тогда припеваючи, но почему-то все ушли в революцию… Почему - поразмышляйте сами.

Жизнь на два города

В Ульяновске я имел счастье встретить людей, которые указали мне жизненные ориентиры. Могу положиться на многих моих земляков, оставшихся на Волге или ставших членами нашего землячества в столице. Есть кому позвонить, есть с кем разделить радость, ну а помощь в минуту скорби - это святое...

Так все и живем: на два города, расстояние между которыми - одна ночь воспоминаний с кем-нибудь из попутчиков в фирменном поезде «Ульяновск - Москва».